

УДК 1(091)(410)

ББК 87.3(4Вел)

Л 73

Дизайн серии *Ивана Ковригина*

Дизайн обложки *Дмитрия Агапонова*

В оформлении переплета использовано фото из архива Shutterstock

Составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии
Александра Маркова, профессора РГГУ и ВлГУ

Перевод с английского *Ю.М. Давидсона, Е.С. Лагутина, А.Н. Савина*

Локк, Джон

Л73 О Чудесах : с комментариями и объяснениями / Джон Локк; сост., предисл., коммент. А. Маркова, пер. Ю.М. Давидсона, Е.С. Лагутина, А.Н. Савина. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 320 с. – (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-117994-6

Джон Локк – один из крупнейших философов Нового времени, «отец политического либерализма», универсальный ученый, занимавшийся в основном химией и медициной, законотворчеством и педагогикой. Он обосновал, почему науки должны развиваться своими путями и дифференцироваться и почему нельзя строить философию только на отвлеченных предпосылках. Труды Локка учат быть внимательными к своему опыту и доверять не случайным впечатлениями, а самой нашей способности иметь знания. Школа честности и ответственности – вот что такое труды Локка, о каких бы предметах он ни говорил.

УДК 1(091)(410)

ББК 87.3(4Вел)

ISBN 978-5-17-117994-6

© А. Марков, составление, предисловие,
преамбулы к текстам, комментарии, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Философ строгой свободы

Джон Локк родился 29 августа 1632 года в Англии – в небольшом летнем домике, у церкви в Рингтоне, графстве Сомерсет, примерно в 12 милях от Бристоля, и в тот же день был крещен. Его отец, Джон Локк-Старший, был адвокатом, клерком мирового суда, а во время гражданской войны успел послужить в кавалерии на стороне парламентских сил, иначе говоря, в войске Кромвеля. Мать будущего философа, Ангес Кин, происходила из суровой пуританской семьи. Она всегда блюла порядок в доме. Каждый день здесь читали вслух Библию и вели разговоры о нравственности.

Детство Локка прошло в Пенсфорде, рыночном городе к югу от Бристоля. Он рос в доме, построенном в эпоху Тюдоров, наполовину деревянным. Благодаря родителям рано выучился читать, а знакомства отца позволяли ему получать новые книги.

Решающую роль в судьбе мальчика сыграли связи, приобретенные отцом во время гражданской службы. Он поддерживал переписку со своим бывшим командиром, членом парламента Александром Попамом, который и помог устроить юного Джона в Вестминстерскую школу, существовавшую прямо при парламенте. Джон изучал языки и одновременно знакомился с ходом дебатов. Будучи одним из лучших учеников, он потом опять же на средства Попама был зачислен в Оксфордский университет. Деканом колледжа Крайст-Черч, где ему предстояло учиться, был Джон Оуэн, крупнейший богослов пуританского протестантизма. Оуэн, суровый и почти фанатичный, думал больше о реформе Церкви, нежели об изменении учебных программ, и хотя молодой Локк был пленен его остроумием и красноречием, подход к обучению в колледже вызывал его раздражение. Он не понимал, зачем нужно было писать столько книг, где дурно пересказывались одни и те же тезисы.

Джону Локку помог его товарищ по Вестминстерской школе Ричард Лоуэр, учившийся на медика. Он был знатоком и пропагандистом трудов Декарта, экспериментальной медицины, не преклонялся перед авторите-

тами, но требовал изучать природу таковой, какова она есть. В 1660 году было создано Лондонское королевское общество, которое не зависело от университетов и стало центром экспериментов в области медицины, физики, химии, оптики. Лоуэр поставил целью стать его членом и добился своего. Дружба Локка и Лоуэра была крепкой, благодаря своему другу начинающий философ зачитывался новой философией и знал основные труды Декарта почти наизусть.

Хотя Локк в 1658 году стал магистром философии, он не оставлял занятия медициной и в 1675 году получил второй диплом, медицинский. Готовя диссертацию по этой науке, он общался с ведущими учеными своего времени, такими как Роберт Бойль и Роберт Гук. Благодаря им Локк понял, что мир — это не совокупность готовых вещей, есть еще и микромир, в который мы можем проникнуть лишь с помощью приборов, есть сложные физические взаимодействия, химические реакции, множество факторов, влияющих на состояние материи. Нельзя объяснять явления небольшим числом принципов, на самом деле механика природы сложнее и требует пытливости, а не только знаний. Он начал разочаровываться в Декарте: великий француз объяснял работу человеческого организма отчасти по образцу механизма, но успехи химии и физики не позволяли считать глаз или желудок механизмом, пусть даже сложным. Спор с Декартом — такая же магистральная мысль Локка, как и его дискуссия с устаревшей университетской схоластикой — он никак не мог согласиться с мыслью Декарта о собственном содержании нашего ума. Ведь наш ум — это тоже явление, тоже событие природы, и его опыт — продолжение той жизни, которой живет мир. Если мы допускаем особое содержание разума, то мы просто умножаем сущности, прибавляя к поведению вещей еще и неизбежное поведение наших мыслей.

В 1666 году, как раз в тот год, когда Ньютон, уехавший из Кембриджа из страха перед чумой, увидел падающее яблоко и написал свой первый трактат по физике, Локк познакомился с лордом Энтони Эшли Купером, 1-ым графом Шефтсбери. Больше знаменит его внук, 3-ий граф Шефтсбери, основоположник современной эстетики, переосмысливший такие понятия искусства, как «гений», «вкус» и «возвышенное». Но дед был не ме-

нее известным человеком – видный политик, выдающийся экономист своего времени, глава казначейства. В Оксфорд граф приехал в надежде вылечить от хронического заболевания, и врачи ему помогли. А также рекомендовали Локка как энергичного и трудолюбивого, который сможет все время консультировать графа и следить за его здоровьем.

Локк переехал в лондонский дом графа, где жил безбедно, имел возможность общаться как с высшим светом, так и с близкими ко двору учеными. Он поступил в ученики к Томасу Сиденхему, одному из основоположников неврологии и диетологии, описавшему пляску святого Витта и научившемуся лечить подагру. Правда, этот «отец английской медицины», будучи суровым пуританином, не любил новые изобретения, отвергал микроскоп, считая, что важнее ощупывать организм, чем рассматривать микроорганизмы. Но при этом Сиденхем повлиял на философию Локка, в частности, в понимании воздействий на организм как оставляющих одновременно следы и впечатления.

Когда граф Шефтсбери слег из-за инфекции печени, Локк обежал всех лондонских врачей и собрал консилиум, что было не совсем обычно в то время. Он красноречиво убеждал докторов вспомнить все их искусство и найти выход. В конце концов группа врачей решилась на рискованную операцию, которая прошла успешно. После этого граф советовался с Локком и по всем политическим вопросам.

В Лондоне он также поработал несколько лет в совете по торговле и плантациям фактически как главный специалист колониального министерства, делая расчеты, будет ли колебаться цена на ввозимые из Нового света товары. Локк впервые понял, что нужно измерять товар не кораблями, а партиями, и что международная торговля основана не на накоплении богатств, а на рентабельности владений. Вообще, применение сложных математических расчетов в торговле, выходящих за пределы простой бухгалтерии, было тогда неожиданным, но Локк в этом преуспел, и его советами стали руководствоваться придворные, занимавшиеся деловыми операциями.

В 1672 году граф Шефтсбери становится лордом-канцлером, и с этого момента все время Локка занято подготовкой документов и проектов за-

конов. Основанная Шефтсбери в парламенте группа получила в 1678 году название «виги»: это были предприниматели-пуритане, считавшие, что будущее экономики не за владением именьями, а за свободной торговлей. Виги – предшественники современных экономических либералов, они сопротивлялись реставрации Стюартов и считали, что абсолютизм мешает развитию банковской и кредитной системы. Дела Шефтсбери в такой напряженной политической борьбе шли не очень хорошо, и Локк отпросился в 1675 году в отпуск во Францию, чтобы узнать о новых достижениях медицины, в частности, о правилах клинического наблюдения, созданных в университете Монпелье. Во Франции он успел и поработать преподавателем медицины, и поучиться, и пообщаться с философом Никола Мальбраншем, в определенном смысле своим двойником в философии, только Локк опирался на опыт, а Мальбранш – на созерцание. В Англию он вернулся лишь в 1679 году, когда амбиции монархии были обузданы и граф Шефтсбери получил контроль над парламентом, правда, недолгий. Локку было поручено работать над законами по ограничению власти короля, иначе говоря, участвовать в той деятельности, которая в конце концов привела к Славной революции 1688 года. После нее дрейф обратно к католицизму оказался уже невозможен. Билль о правах 1689 года, утвердивший свободу слова и запретивший королю штрафовать подданных без санкции суда, впитал в себя ряд идей Локка. Впрочем, взгляды этого философа, которого иногда называют «отцом либерализма», были иногда смелее даже Билля о правах, входящего в конституцию современной Великобритании, учитывая, что он говорил о равенстве всех людей и праве каждого человека участвовать в формировании правительства.

Последние годы реакции перед революцией всегда суровы. Опасаясь ареста из-за подозрения в заговоре, Локк в 1683 году бежал в Нидерланды. К сожалению, он не застал Баруха Спинозу, умершего несколько лет тому назад, но с учениками этого философа много общался и в целом одобрял его стремление анализировать суждения разума и строить этику и политику на новых разумных основаниях. Правда, Спиноза казался ему слишком отвлеченным, слишком одухотворяющим наши чувства, Локк требовал

большого самоотчета. Тем временем в Нидерландах Вильгельм Оранский собирал войско, чтобы свергнуть Якова II Стюарта, так что новый двор формировался на глазах Локка и с его участием.

На волне Славной революции, в свите новой королевы Марии II, Локк вернулся в Англию. После возвращения в уже свободной стране он смог напечатать свои главные труды: «Опыт о человеческом разумении», «Два трактата о гражданском правлении» и «Письмо о веротерпимости». Астма заставила его переехать из города в Эссекс, в дом леди Машем, очень его почитавшей. При этом Локк продолжал писать письма, ездить в Лондон и другие города, вести дискуссии с Исааком Ньютоном, а также с Джоном Драйденом, очень талантливым, но довольно беспринципным в политике поэтом, создавшим английскую оперу и вообще английский литературный классицизм. Тем временем партия вигов пополнялась новыми членами, и все они считали Локка своим главным героем: без его прямого участия не были бы приняты законы, действующие и в современной Великобритании.

В «Двух трактатах о гражданском правлении» Локк утверждает, что коль скоро все люди являются потомками Адама, то все они юридически имеют равные права и на власть, и на собственность. Неравенство, власть монарха возникли лишь потому, что люди не смогли найти гражданского согласия и начали войны. В отличие от Томаса Гоббса, полагавшего, что монархия необходима, потому что только абсолютная власть остановит войны, Локк считал войны эпизодом более общего гражданского несогласия, и, по его мнению, монархия, поощряя неравенство, углубляет это несогласие, а значит, провоцирует новые войны. Поэтому необходим «гражданский договор», согласие людей, основанное на здравом смысле: люди рано или поздно понимают, что, договорившись уважать друг друга, они будут терпеть меньше ущерба в своих делах. Если кто-то начинает притеснять их, следует резко расширить права, например, в ответ на увеличение налогов потребовать политического представительства. И так следует действовать не ради частной выгоды, но ради общего интереса, состоящего в том, чтобы люди перестали чинить обиды друг другу и действовать через насилие.

Умер Локк 28 октября 1704 года. Он был похоронен на сельском кладбище, недалеко от дома Машемов, в котором провел тяжелые, но вместе с тем счастливые последние годы жизни. Незадолго до смерти он лишился слуха, о чем очень сожалел.

Локк никогда не был женат, не имел детей, равно как и не купил себе за всю жизнь дома, будучи везде гостем. В этом проявилось его строгое пуританское воспитание: он смотрел только в книги, следил за новостями и даже лечил лишь тех, кто его об этом просил, опасаясь, что если он станет востребованным врачом, то это превратит жизнь в развлечение, лишив серьезности. Неустанный труженик и путешественник, полемист, умевший часами молиться и строго поститься, отец либерализма, почти вольнодумец, — таким Локк предстает перед нами.

Как философа его принято относить к «британскому эмпиризму», иначе говоря, к учению, что как впечатления, так и понятия приходят из опыта. Часто его причисляют к сторонникам «сенсуализма», учения о первичности ощущений по отношению к актам сознания, что тоже верно, но требует уточнения: Локк понимал ощущение только как некоторый момент восприятия, а не как первую причину всех наших знаний. Для него несомненно, что Бог устроил мир разумно, но именно поэтому нельзя переносить домыслы своего ума на окружающий мир. Напротив, нужно строго и пылливо узнавать, как устроены процессы, развивая отдельные науки. Для этого сборника мы выбрали произведения Локка, где он создает новое научное знание, требуя не уступать его ни бытовым привычкам, ни инерции речевых формул, ни предрассудкам эпохи.

Александр Марков,
Профессор РГГУ и ВлГУ

рассуждение о чудесах

Перевод Е. С. Лагутина

Этот небольшой трактат был написан Локком как часть обширного задуманного труда о разумном смысле христианской догматики. Сам труд создан не был, но полемически заостренная работа стала важным примером того, как философ, опирающийся на разум и здравый смысл, говорит о возможности в истории явлений, не предусмотренных простой механической причинностью.

Понятие «чудо» обязательно в авраамических религиях (иудаизме, христианстве и исламе), вместе с тем, оно никогда не было критерием истинности религии: чудеса могут совершать и ложные пророки. Поэтому божественное действие, согласно богословам, нужно искать не там, где происходят вообще чудеса, но где они ведут к признанию могущества Бога, а значит, истинности суждений о Нем как о могущественном. Новый Завет предпочитает слову «чудо» слово «знамение», означающее боевое знамя в функциональном значении спасительного сигнала к перестроению в гуща боя, собирающего вокруг себя общину верных. Локк и говорит о чудесах с точки зрения очевидца, которого они с одной стороны побудили встать под знамя нравственного действия, а с другой стороны, позволили непротиворечиво судить о Боге как причине вещей.

Заметим, что Локк допускает чудеса именно потому, что для него религия — опыт, встреча с порядком событий, превышающим известный нам из частного и обособленного опыта. Недоверие к чудесам, обычное в XIX и XX веке, исходит не только из успехов отдельных наук, где все явления должны быть объяснены «имманентными» (принадлежащими тому же порядку вещей) причинами, но и из понимания религии как чувства. Действительно, для сердечного исповедания или внутреннего переживания святости внешние чудеса не нужны, даже оскорбительны. Гегель или Лев Толстой стремятся очистить Евангелие от них, считая соответствующие рассказы исключительно уловкой для тогдашней легковой публики, не имеющей отношения к нравственной сущности христианства.

Но Локк понимал религию не как внутреннее переживание, но как определенный договор, завет, и, следовательно, чудеса также необходи-

мы истинной религии, как и другие доказательства истины, например, как удачные эксперименты в науке. Равно как и успехи науки, которым он сам всячески способствовал, не противоречат чудесам, потому что каждая наука для него исследует свое «имманентное», свои порядки причин и явлений, тогда как чудо принадлежит области исторического объяснения, а не причинности. Для Локка история и рассказ о ней определяются множеством факторов, и то, что этот рассказ осмыслен – тоже чудо. А не чудо ли то, что история полна насилия и принуждения, но люди в конце концов выбирают свободу?

Рассуждать о чудесах, не определив сначала, что следует понимать под словом «чудо», – значит создавать лишь видимость рассуждения, а на самом деле говорить впустую.

Локк начинает с требования определения, без которого любая аргументация эффектна, но не истинна. В оригинале «видимость рассуждения» обозначена словом show. Тогда это слово означало как показное зрелище, так и видимость, мнимость, иллюзорность.

Чудо, как я его понимаю, есть воспринимаемое органами чувств действие, которое очевидец, в силу того что оно выше его понимания и противоречит, по его мнению, естественному ходу вещей, принимает за божественное деяние.

Действие – буквально, «операция», какое-то изменение вещи, не основанное на простой причинности, и так понятной. Например, способность пищи насыщать – это ее действие, ибо мы можем проследить лишь то, что пища отяжелила наш желудок, тогда как действие, насыщение – более сложный процесс.

Тот, кто присутствует при этом событии, есть очевидец; тот, кто верит в свершение этого события в прошлом, как бы ставит себя на место очевидца.

Вероятно, против этого определения можно выдвинуть следующие два возражения: 1. Во-первых, оказывается весьма неопределенным, что же есть чудо; ибо, раз оно зависит от мнения того,